

Утренняя заря пронзила облака, озаряя каждый уголок пентхауса ясным и обжигающим светом. Ночная таинственность и интимность полностью исчезли под этим беспощадным сиянием.

Шэнь Цинцы уже был полностью одет. Темно-синий костюм безупречного кроя облегал его статную фигуру, словно броня, а каждый шов подчеркивал несомненную власть и богатство. Воротник белоснежной рубашки плотно прилегал к шее, серебристо-серый галстук был завязан безукоризненно. Он стоял перед зеркалом в прихожей: мужчина в отражении обладал острым взглядом, резкой линией подбородка, а всё его существо излучало ледяную ауру, присущую наследнику семьи Шэнь.

Совершенство, безупречность, полное соответствие ожиданиям всех окружающих от Шэнь Цинцы.

И лишь он сам знал, какая буря скрывается под этой твердой, роскошной оболочкой.

Под плотной тканью костюма к его коже прилегал совершенно новый черный кружевной боди с вырезами на талии. Он был более провокационным, чем вчерашняя модель, сильнее стягивал тело, постоянно и мягко ограничивая его движения, вызывая непередаваемое чувство сдавливания. Под боди было надето черное кружевное белье из того же комплекта и гигиеническая прокладка, источающая тонкий аромат. А под строгими брюками, обтягивая неестественно длинные ноги, были надеты ультратонкие телесные прозрачные колготки.

Это был первый раз, когда он решился вынести этот тайный элемент образа за пределы убежища, в реальный мир.

Принятое решение граничило с отчаянным безумием. Проснувшись утром и столкнувшись с реальностью возвращения к норме, он чуть не утонул в океане потери и желания бунтовать. Ему требовалась некая связь, некая улика, соединяющая его с тем тайным «я», чтобы выдержать дальнейшее притворство и давление. И вот, в смеси страха, возбуждения и отчаяния, он завершил эту изощренную маскировку.

В этот момент, ощущая кожей прикосновение белья, корсета и колготок, настолько контрастирующее с внешним видом, он чувствовал глубокий внутренний разлад. Он глубоко вдохнул, подавляя странное ощущение, и коснулся пальцами внутреннего кармана пиджака — там, тихо лежа, покоилась запасная прокладка в индивидуальной упаковке, словно часовая бомба или оберег.

Он не стал дожидаться личного водителя, который всегда ждал внизу, а взял ключи со столика. Сегодня ему требовалось время в полном одиночестве, чтобы свыкнуться с этим состоянием.

Подземная парковка была пустой и тихой, залитой холодным белым светом. Его автомобиль, черный Ауди А8L с плавными, сдержанными линиями, тихо стоял там. Снять с блокировки, открыть дверь, сесть за руль — все эти привычные действия сегодня обрели особую остроту.

Прикосновение кожаного сиденья ощущалось через тонкую ткань брюк и колготок — прохладное и гладкое, совсем не так, как обычное хлопковое белье. Когда он отрегулировал положение, нажимая на тормоз и газ, скольжение колготок и трение о ткань брюк стали еще заметнее. Он пристегнул ремень безопасности, который прошел наискосок по груди, как раз впиваясь в край корсета, создавая едва уловимое давление.

Завел мотор, низкий ровный гул наполнил салон. Он выехал с парковки, вливаясь в утренний поток машин.

Город в утренний час пик был шумным и суетливым. Однако внутри звукоизолированного салона создалось свое, отдельное замкнутое пространство. Это крошечное место стало буфером между его убежищем и публичной жизнью.

Красный свет. Поток машин замер.

Шэнь Цинцы бессознательно постукивал пальцами по рулю. Его взгляд остановился на багажнике впереди идущей машины, но сосредоточиться не удавалось. Ощущения от собственного тела, словно фоновый шум, который невозможно выключить, продолжали пульсировать. Давление корсета на талии, тонкий контакт колготок с ногами, специфическое ощущение в нижней части тела — всё напоминало ему о том, в какую авантюру он ввязался. Любое минимальное движение, каждое сокращение мышц вызывало новое трение между тканью белья и кожей, рождая невообразимую дрожь, смешанную со стыдом и возбуждением.

Он попробовал переключить внимание на классическую музыку, игравшую из колонок, но виолончельные сюиты Баха сейчас звучали как будто усиленный ритм его собственного сердца, каждый звук отдавался в напряженных нервах. Он даже слышал свое дыхание и чувствовал мощные удары сердца, скованного корсетом.

На соседней полосе в автобусе было полно сонных офисных работников. Кто-то случайно посмотрел на роскошную машину, возможно, с завистью или любопытством. Шэнь Цинцы непроизвольно выпрямил спину, слегка подобрал подбородок, приняв еще более холодный вид. Он не мог допустить, чтобы кто-то заметил хоть малейшую трещину, даже если это простой обмен взглядами. Это чувство скрывания гигантской тайны на виду у всех было словно хождение по острию ножа — одновременно опасное и притягательное в своей болезненности.

Загорелся зеленый свет, поток машин медленно тронулся.

Он слегка нажал на газ, чувствуя, как машина плавно ускоряется. Странное телесное ощущение удивительным образом слилось с управлением автомобилем. Ему требовалось точнее контролировать педали, острее чувствовать движения машины, ведь любое лишнее колебание тела усиливало это скрытое трение. Эта обостренная осознанность тела, как ни странно, заставляла его вести машину даже более внимательно и уверенно, чем обычно.

По радио начали транслировать утренние новости бизнеса, упомянув о скором сотрудничестве группы Шэнь с европейскими партнерами. Взгляд Шэнь Цинцы моментально стал острым,

рабочий склад мышления быстро вытеснил часть телесной чувствительности. Он слушал аналитику, одновременно фильтруя информацию в голове и сопоставляя ее с тем, что ему было известно.

Однако, когда мягкое прикосновение в нижней части тела снова настойчиво дало о себе знать, возникло чувство абсурда. Он, Шэнь Цинцы, наследник группы Шэнь, сейчас в женском белье и колготках направляется на совещание, где будут решаться вопросы движения миллиардных средств. Предельная серьезность и предельный абсурд достигли в нем странного единения.

Машина въехала в центр города, небоскреб группы Шэнь уже показался в поле зрения. Чем ближе был пункт назначения, тем медленнее и ровнее становилось сердцебиение Шэнь Цинцы. Первоначальное напряжение и дискомфорт в этой поездке в одиночестве будто бы нашли выход, позволив ему адаптироваться. Он даже начал привыкать к этому раздвоению между внешним и внутренним, научившись сосуществовать с ним.

Он плавно въехал на эксклюзивную подземную парковку здания компании. Здесь уровень безопасности был гораздо выше, чем в его жилом комплексе, что означало еще больше глаз. Припарковавшись, он не стал сразу выходить. Несколько секунд посидел в тишине, глядя в зеркало заднего вида, еще раз оценивая свой облик — холодный, совершенный, безупречный.

Затем он сделал глубокий вдох и толкнул дверь машины. Кожаные туфли опустились на бетон, отдавшись отчетливым эхом. С каждым шагом ощущение колготок следовало за ним. Он выпрямил спину и твердым, уверенным шагом направился к личному лифту, ведущему на верхний этаж.

У лифта уже ждал помощник. Увидев, что он приехал сам, в глазах помощника мелькнуло едва уловимое удивление, но он тут же принял почтительный вид:

— Доброе утро, господин Шэнь. Материалы для совещания уже готовы.

Шэнь Цинцы слегка кивнул, не выражая никаких лишних эмоций, и вошел в лифт. Когда двери медленно закрылись, начав подъем, он увидел в зеркальном отражении дверей свой размытый, высокий силуэт.

Костюм, галстук, мощная аура.

Но только он сам знал, какая сокрушительная, хрупкая и прекрасная тайна живет под этой несокрушимой броней. Наступил новый день, и он должен был нести этот секрет, чтобы принять все грядущие вызовы.

<http://bllate.org/book/20970/2128503>